

СДВИГИ В ВОСПРИЯТИИ ВЛАСТИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ В 2010-Х ГГ.

Е. Б. Шестопа¹

В статье представлены результаты последнего этапа эмпирического исследования психологических сдвигов в восприятии власти после выборов 2011-2012 годов. В статье обсуждаются результаты опроса, включавшего большое количество открытых вопросов, обработанных методом шкалирования. Полученные данные были сопоставлены с результатами предыдущих периодов.

Анализ показывает, что восприятию власти четко просматриваются три этапа. Первый относится к 1990-м гг., когда политическая оптика общества была весьма расфокусированной: одни и те же респонденты симпатизировали одним политикам, доверяли другим, а голосовали за третьих. Второй период, датируемый 2000-ми характеризуется консолидацией общества в отношении власти. Образы власти были схожими у людей разных поколений, регионов, профессий и пр. Этот период резко закончился в 2010 г. Третий период относится к 2010-м. Консолидация общества оказалась во многом нарушена. Нынешний этап характеризуется определенным возвратом к рассогласованности образов власти, характерным для 1990-х гг., хотя полной аналогии тут, конечно, нет.

Одной из причин изменений в отношениях власти и граждан стал приход в политику так называемого поколения нулевых, – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е, и чья картина мира формировалась в период крайней сумбурности и неустойчивости.

Из позитивных сдвигов в массовом политическом восприятии, нами были зафиксированы закрепившиеся в сознании граждан ценности активизма, готовность подчиняться закону, уход из публичного пространства олигархов. Негативные изменения включают в себя падение престижа армии как властного субъекта при одновременном росте влияния силовых структур.

Ключевые слова: политическое восприятие, образы власти, граждане.

Введение

Ни в одной стране граждане не любят власть, да и та, в свою очередь, идет им на уступки лишь тогда, когда начинаются массовые протесты. В России отношения граждан и власти отличаются тем, что окрашены высоким градусом эмоций. Власть либо не замечает граждан, либо обижается на них, а граждане

¹ Шестопа Елена Борисовна – заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Эл.почта: shestop0505@rambler.ru.

редко относятся к ней с доверием и уважением, однако при этом они ходят на выборы и готовы власть не только выбрать, но и подчиниться ей. Эти отношения на протяжении всей отечественной истории пронизаны сильными чувствами и редко диктуются рациональными интересами.

Характеристика исследования

На протяжении уже двух десятков лет мы с коллегами изучаем характер отношений власти и граждан. Нас интересует, как и что граждане видят в российской власти, какие образы складываются в их сознании, чем эти образы определяются. Качественно-количественное исследование, начатое в 1993 г., продолжается уже два десятилетия.

Последний этап этого исследования кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ провела весной — летом 2013 г. Исследование носило качественно-количественный характер. Нами был проведен анкетный опрос, включавший большое количество открытых вопросов, обработанных затем методом шкалирования. Опрос проходил в 8 регионах: в Москве, Московской, Саратовской, Челябинской, Воронежской, Томской областях, Башкирии и в Краснодарском крае. Выборка составила 898 чел. Исследование также включало в себя глубинные интервью и проективные тесты. В данной статье мы проанализируем лишь результаты последнего по времени опроса. При этом у нас была возможность сравнить полученные данные с результатами предыдущих исследований, которые мы проводим регулярно, в течение всех постсоветских лет с 1993 г.²

Некоторые теоретические основания исследования

Прежде, чем говорить о результатах исследования, приведем некоторые теоретические положения, лежащие в основании интерпретации полученных нами данных. Политическое восприятие имеет специфические особенности, отличающие его от других видов восприятия [Пищева, 2011; Преснякова, 2000; Психологический образ..., 1994]. Во-первых, оно направлено не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политической власти и лидеров. Во-вторых, оно отличается большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции. В-третьих, оно является опосредованным (в основном СМИ). И, наконец, поскольку политическое восприятие — это, как правило, восприятие, происходящее на уровне массового сознания, то на него влияют ценности, стереотипы, установки, присущие массовому сознанию.

Если восприятие — это процесс отражения в массовом и индивидуальном сознании власти, лидеров, партий, государств и других политических объектов, то основными элементами, кирпичиками, из которых строится этот процесс, являются образы. В психологии под образом понимается обобщенная

² Результаты предыдущих этапов исследования нашли отражение в работах [Психология политического восприятия в современной России, 2012; Шестопап, 2004; Шестопап, 2008].

картина мира (предметов, явлений), складывающаяся в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств [Восприятие и деятельность, 1976; Психологический образ..., 1994].

В современной литературе по политической психологии не так много работ, в которых предлагается общая теория политического восприятия. Большинство авторов фокусируют внимание на восприятии конкретных политических объектов, причем среди последних преобладают кандидаты в конкретных избирательных кампаниях [Parker-Stephen, 2004; Feldman S., Johnston P., Conover P., 1983]. Есть и такие объекты восприятия, как политический риск, партии и их лидеры, различные акторы международных отношений, коррупция и т.п. Лишь небольшое число авторов обращается к собственно теории политического восприятия и пытается проанализировать то, что составляет общее и особенное в восприятии различных политических феноменов, пытается описать психологические механизмы восприятия политики [Психология политического восприятия..., 2012; Granberg, 1985; Granberg, Kasmer, Nanneman, 1988].

Образ власти, как и любой образ, представляет собой отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти. Эти характеристики образа можно назвать его *объектными* компонентами. Они во многом определяют политическое содержание образа. В то же время образ является проекцией ожиданий субъекта восприятия, т. е. граждан. В образе политической власти отражаются потребности и мотивы, знания и представления, мнения, оценки и стереотипы, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти. Эти компоненты образа можно назвать *субъектными*. Политические образы будут изменяться с изменением психологии массового сознания. Кроме того, характер образов будет меняться и в соответствии с такими характеристиками субъекта восприятия, как пол, возраст, образование, региональные особенности и т. п.

Важным моментом для понимания образов власти является выделение в их структуре рационального и бессознательного компонентов [Букреева, 2013]. Рациональные компоненты образа представляют собой отражение в сознании воспринимающих тех характеристик политического объекта, которые человек осознает и отдает себе в них отчет. Если мы говорим об образе власти, то граждане вполне рационально формулируют свои претензии к ней или, напротив, поясняют, почему они власти доверяют. На рациональном уровне восприятия работают прежде всего когнитивные механизмы.

На бессознательном уровне восприятия преобладают эмоции, которые практически не осознаются индивидом. Он далеко не всегда может объяснить свое отношение к власти даже самому себе, не говоря уже об объяснениях, даваемых другим людям. А если респондент пытается обосновать свой ответ, то это не всегда достоверное объяснение, на которое оказывает влияние феномен рационализации.

Как показывают наши предыдущие исследования, во-первых, в ситуациях политической неустойчивости у граждан могут еще не сформироваться ста-

бильные рациональные установки на политику, и в своем выборе они руководствуются, прежде всего, эмоциями.

Во-вторых, в политическом образе можно выделить такие элементы, как привлекательность, сила и активность, а точнее шкалы: привлекательность — непривлекательность, сила — слабость и активность — пассивность.

Согласно принятой в психологии концепции Ч. Осгуда, мы выделяем три измерения: привлекательность, силу и активность. Присутствие параметра силы несомненно укрепляет привлекательность политического образа. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы, бесспорно привлекательные черты, которые без силы не много дают для оценки и прогноза. Сказанное о параметре силы во многом относится и к показателям активности. Активность имеет отношение к исполнению властных полномочий.

Параметры силы и активности, как правило, вполне осознаются гражданами на рациональном уровне. Но они присутствуют и могут быть зафиксированы и на бессознательном уровне.

В-третьих, в политических образах имеет смысл выделять и отдельно исследовать визуальные и вербальные структурные элементы. Образ, как и следует из происхождения этого слова, связан в первую очередь с визуальным восприятием. Восприятие визуальной политической информации всегда было значимым, но в современной политике доминируют Интернет и телевидение, которые имеют дело с визуализацией образов в политике. Следует заметить, что по своей природе визуальные компоненты образов имеют бессознательную природу, поэтому их анализ требует специальных методов, которые позволили бы извлечь и проинтерпретировать эти бессознательные структуры. В наших исследованиях мы использовали для этих целей проективные тесты, метод неоконченных предложений и другие психологические методики.

В-четвертых, важным моментом в оценке индивидом того или иного реального политического объекта является его сопоставление с идеальным прототипом. Политическое восприятие нуждается в некотором ценностном эталоне, без которого восприятие затруднено. Так, для оценки реальной власти, человек обращается к образу власти идеальной, т.е. власти, какой она должен быть. Выявление этого идеального прототипа позволяет более точно понять, почему образ реального политического объекта видится человеку именно таким, а не иным.

В-пятых, в переходных обществах, как верно отмечал Г. Дилигенский [Дилигенский, 1996], политические объекты есть смысл изучать через систему аттитюдов, так как они более подвижны, чем ценности, убеждения и другие элементы воспринимающей личности [Sjöberg, 1998]. В психологической литературе принято выделять в аттитюде три элемента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Это означает, что необходимо выявить не только когни-

тивные элементы (вербализованные и, как правило, осознаваемые личностью), но и элементы аффективные, которые редко осознаются, и элементы поведенческие, более близкие к совершению поступка.

Результаты исследования 2013 г. и их обсуждение

Как показали наши предыдущие исследования, власть в постсоветский период воспринималась российскими гражданами на каждом этапе наблюдений по-разному: менялись институты власти, правила игры и, конечно, персональный состав власти. Менялись и граждане, приобретая политический опыт. Однако вплоть до 2010 г. изменения в образах власти носили постепенный характер. Но в 2010 г. мы впервые зафиксировали существенную смену ключевых ценностей и образов. Те перемены, что произошли в головах людей, предшествовали резким сдвигам в реальной политике 2011-2012 гг. Причем в этот период власть не совершала ни особых подвигов, ни роковых ошибок, которыми можно было бы объяснить такую смену общественного настроения.

Начнем с тех констант, которые продолжают определять постоянный фон восприятия власти гражданами. В первую очередь отметим, что власть и в 2013 г., как и прежде, оценивается чрезвычайно негативно в эмоциональном плане. То есть люди власть не любят и поругивают ее при случае. Сохраняется и тот парадокс, который мы отметили ранее: несмотря на негативную оценку власти, люди по-прежнему с готовностью ей подчиняются. Причем подчиняться они готовы, во-первых, законам, во-вторых, государству и, в-третьих, начальству. Власть закона готовы принять 91% опрошенных. Это исторический максимум с 1993 г. То есть эмоциональное неприятие власти, отчуждение от нее не означают отказа ей подчиняться. На наш взгляд, описанные константы объединяют времена сегодняшние с 1990-ми гг. и даже с более ранними периодами.

А вот что произошло нового и почему? Первое, что бросается в глаза, — это рост ценности политического участия (табл. 1).

Приведенные данные показывают рост готовности голосовать (более чем на 20% в сравнении с 2010 г.). Только в 1996 г. — в год президентских выборов — политическая мобилизованность была выше³. Это говорит о том, что сама демократическая система, которая предполагает выборы и гражданское участие, — закрепилась в сознании людей, и это один из важнейших результатов.

Кроме того, мы видим, что возросла готовность участвовать не только в выборах, но и в митингах (с 13% в 2010 г. до 22% в 2013 г.), забастовках (с 10 до 16%). Последний показатель также достиг своего исторического пика с 1993 г. Даже в голодные 1990-е гг. процент желающих участвовать в забастовке был ниже, чем сейчас. Возможно, тогда забастовки рассматривались гражданами как не

³ Заметим, что исследование прошло не только в Москве и задолго до сентябрьских выборов 2013 года.

Таблица 1

Готовы ли Вы лично принять участие... (можно дать больше одного ответа) %

Варианты ответа	Год							
	1993	1995	1996	1997	2000	2003	2010	2013
В выборах как избиратель	72,0	72,3	84,0	57,0	73,6	70,6	59,0	80,0
В митинге в поддержку той или иной политической партии, движения	8,0	14,9	10,0	5,0	17,6	8,6	13,0	22,0
В забастовке	8,0	14,9	6,0	8,0	13,6	13,6	10,0	16,0
В выборах как кандидат в депутаты того или иного уровня власти	4,0	29,8	4,0	8,0	13,0	10,0	6,0	38,0
Ни в чем	0	0	5,0	27,0	11,9	19,0	11,0	10,0
Затрудняюсь ответить	0	0	11,0	7,0	5,5	4,4	3,0	1,0

очень «правильный» способ решения споров, ведь в советское время не было забастовок.

Но самым удивительным оказался рост желающих участвовать в выборах в качестве кандидата в органы того или иного уровня власти (38%). И это при том, что авторитет Думы и депутатов не особенно растет. Именно этот факт доказывает, что сама система выборов стала для людей не просто привычной, понятной, она стала желанной.

Дальше нас интересовал вопрос о субъектах власти: кто из действующих в политике лиц обладает наибольшей властью, с точки зрения граждан (табл. 2).

Неудивительно, что президент видится гражданам как самая влиятельная фигура. Но и здесь не все так просто. Сама по себе функция еще не определяет силу влияния. В 2010 г. премьер Путин воспринимался как более властная фигура, чем тогдашний президент Медведев. То есть личность в России имеет больше значения, чем пост. Мало того, если мы посмотрим на позицию премьера в 2013 г., то окажется, что Медведев в этом качестве обладает большей властью, чем его предшественник Путин в 2010 г., видимо, за счет того, что на этом месте посидел Путин, или потому, что граждане стали видеть новые властные возможности у всех без исключения политических акторов.

Понятно, что на первом месте у нас президент, а на втором — по идее должен быть премьер, но второе место с наибольшим скачком заняли силовые структуры – ФСБ, МВД и др. (кроме армии). При этом армия делит по силе влияния последнее место с муниципальной властью (и это несмотря на высокий рейтинг министра обороны С. Шойгу).

Выросло властное влияние и у Госдумы, и у Совета Федерации, и у прокуратуры и судов, у правительства и администрации Президента. Но не менее важно и то, что из поля зрения граждан исчезли хорошо заметные во власти в 2000 г.

Таблица 2

Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в современной России?
(можно дать больше одного ответа) %

Варианты ответа	Год		
	2000	2010	2013
Президент	79,7	24	92
Премьер-министр	-	26	30
Администрация Президента	59,5	6	25
Государственная Дума	24,9	5	20
Совет Федерации	17,7	2	9
Правительство РФ	39,2	6	18
Силловые структуры (ФСБ, МВД и др.)	-	14	51
Губернатор	-	3	13
Местная, муниципальная власть	25,7	3	7
Суд	20,3	3	15
Прокуратора	28,7	3	18
Армия	15,6	1	7
Политические партии	9,7	5	14
Другое	-	-	7

криминальные структуры и олигархи. Это не значит, что их реальное влияние исчезло, но они стали, как бы, не столь заметными для граждан. Это успех власти, которая свой светлый образ стала очищать от порочащих ее связей.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о роли политических партий, которые, хотя и не находятся в центре образа власти в сознании респондентов, но тем не менее стали почти втрое более заметным ее элементом. Поддержка партий выросла, но у каждой из партий картинка складывается по-своему. Одни партии сильны поддержкой их идей, у других сильна электоральная поддержка, а у третьих, хотя не так много сторонников, но зато малантирейтинг. В табл. 3 приведены данные по всем трем кусочкам этой мозаики.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что поддержка идей и ценностей партии не означает автоматического голосования за нее на выборах. И второй момент, — электоральное поведение определяется не только позитивными чувствами сторонников той или иной партии, но и интенсивностью неприятия ее противниками.

Теперь посмотрим на образы отдельных партий. Так, «Единая Россия», несмотря на шквал обрушившейся на нее в 2011 г. критики, сохранила первенство и в части идейного влияния, и в электоральном смысле. При этом ее противники представляют собой сегодня довольно мощную силу, о чем говорят ответы на тре-

Таблица 3

1. Скажите, пожалуйста, идеи каких партий Вам близки?

(возможны 2-3 варианта ответа)

2. За какую из партий Вы проголосовали бы,

если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье?

3. За какую из партий Вы не проголосуете ни при каких условиях?

Варианты ответа	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3
КПРФ (Г. Зюганов)	22,8	13,4	20,7
«Единая Россия» (Д. Медведев)	33,4	29,0	27,1
ЛДПР (В. Жириновский)	15,0	6,0	27,3
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	14,1	6,3	8,7
«Яблоко» (С. Митрохин)	9,2	4,8	15,8
Союз Правых Сил (А. Гозман)	2,8	0,4	12,4
«Гражданская платформа» (М. Прохоров)	14,8	8,7	12,0
Другое (укажите, что именно)	2,6	3,8	1,0
Не поддерживаю ни одну партию	22,7	20,3	5,5
Затрудняюсь ответить	5,0	6,5	7,0

тий вопрос. По числу недоброжелателей ее опережает только ЛДПР. У этой партии есть солидные резервы, но и проблемы с ее восприятием тоже весьма серьезные.

Коммунистическая партия, хотя и имеет больше противников, чем сторонников, но сохраняет устойчивое идейное влияние.

Справедливороссы, о которых на самом деле опрошенные довольно мало знают, тем не менее, пользуются доверием за счет идеи социальной справедливости, заложенной в их названии, хотя, судя по их электоральным результатам и наличию большего числа противников, чем сторонников, не очень хорошо пользуются этим мощным идейным ресурсом.

«Яблоко» и *Союз Правых Сил* выглядят в глазах опрошенных явными аутсайдерами и также, как ЛДПР, видимо, утратили перспективу.

Стоит отметить, что недостаточно воспользовались своим идеологическим ресурсом и лидеры *«Гражданской платформы»*. Они не смогли пустить в ход конкурентные преимущества «новичка в политике» и слабость своих конкурентов на правом фланге, хотя и имеют существенный идейный потенциал. Одним из факторов их успеха у населения стал рост либеральных настроений в обществе за последние годы (табл. 4).

Примечательно, что ни одна политическая идеология не получила такого роста сторонников, как либералы. Если посмотреть предыдущие замеры, то они, можно сказать, достигли своего исторического максимума.

Таблица 4

Как бы Вы определили свои политические предпочтения?, %

Варианты ответов	Год							
	1993	1995	1996	1997	2000	2003	2010	2013
Либерал	4,2	14,9	10,9	11,3	13,4	7,0	17,0	20,4
Социалист		10,6	10,9	3,3	8,4	5,8	10,0	9,7
Анархист		2,1		1,7	2,5	1,2	3,0	1,4
Демократ	33,3	17,0	31,7	21,7	27,6	24,5	33,0	30,4
Патриот				15,0				
Националист				5,0		3,4		
Радикал	4,2	14,9	2,0	1,7	2,5	2,1	3,0	1,3
Консерватор	20,8	6,4	5,9	15,0	12,1	4,8	10,0	10,2
Коммунист	25,0	27,7	6,9	3,3	7,1	12,0	7,0	7,2
Аполитичный	8,3	4,3	27,7	20,0	19,2	20,2	16,0	14,8
Другое	4,2	2,1	5,9		4,2	3,7	2,0	5,7
Затрудняюсь ответить						14,5		

Демократы, в общем-то, удерживают первенство по числу своих сторонников, они стоят на первом месте (30,4%). В понятии «демократ» скрываются самые разные оттенки.

Снизилась показатели и у социалистов. Консерваторы, как и коммунисты, не увеличили своего представительства, остались примерно на том же уровне.

Но самое любопытное, на наш взгляд, заключается в том, при реальном росте национализма и ксенофобии, которые фиксируют все опросы общественного мнения, люди не хотят называть себя националистами. Среди респондентов не было ни одного человека, который бы признался, что он националист или хотя бы патриот⁴. Это говорит о том, сегодня это не очень принято озвучивать публично. Произошло также определенное снижение числа аполитичных. Развитие российской партийной системы привело к тому, что почти за три года людей, которые хотят стоять вне политики, стало меньше.

Если посмотреть на картинку в целом, то она довольно четко распадается на три этапа: первый этап относится к 1990-м гг. В этот период политическая оптика общества была весьма расфокусированной: одни и те же респонденты симпатизировали одним политикам, доверяли другим, а голосовали за третьих. Такой вот политический «астигматизм». Этот период закончился в 2000 г., и связан он с приходом Путина и достигнутой властью стабильностью. Произошла консолидация общества в отношении его видения власти. Образы

⁴ Заметим, что после воссоединения с Крымом число «патриотов» несомненно увеличилось, но исследование проходило задолго до этого события.

власти были схожими у людей разных поколений, регионов, профессий и пр. Этот период резко закончился в 2010 г.

Одной из причин изменений в отношениях власти и граждан стал, как нам представляется, приход в политику так называемого поколения нулевых, — людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е и чья картина мира формировалась в период крайней сумбурности и неустойчивости. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, в ходе первичной политической социализации, с другой — эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на Болотную и Сахарова, они голосовали за Навального и Ройзмана, и хотя они не определяют лицо всей российской политики, но их присутствие изменило политический ландшафт, который сегодня выглядит не так, как это было еще несколько лет назад.

Консолидация общества 2000-х гг. была разрушена и благодаря тому, что у печатных СМИ и телевидения появился мощный конкурент, неподконтрольный власти, — Интернет. Власть пока не научилась эффективно воздействовать на граждан через новые формы политической коммуникации. Эта ситуация сказалась уже не только на поколении нулевых, но и на других возрастных когортах.

Нынешний этап характеризуется определенным возвратом к рассогласованности образов власти, характерным для 1990-х гг. Полной аналогии тут, конечно, нет. Можно говорить и о новом позитиве, и о новых опасностях, которые появляются именно сейчас.

Позитив заключается в том, что политическую систему все-таки удалось сохранить. Это очень важно, потому что, если еще раз произойдет такой слом, как в начале 1990-х гг., то страна этого может и не пережить. А опасности тоже вполне понятны: нестабильность может вместо развития привести к серьезным потрясениям, когда власть не может удовлетворить самых простых требований граждан и обозленные граждане выходят с битами и крушат все вокруг. И мы сейчас видим, что эта опасность снова поднимает голову. Образы власти, которые мы изучаем, — это отражение настроений, чувств, представлений, по которым можно судить о возможном поведении людей.

Сегодня происходит локализация недовольства в обществе в разных сегментах политического поля. С одной стороны, резко возрос правый, либеральный сегмент, объединяющий образованный, средний класс. Его недовольство связано, прежде всего, со стремлением получить большее политическое представительство. Недовольство властью этой части общества диктуется скорее рациональными интересами, чем эмоциями. В этом сегменте общества впервые за многие годы наших исследований стал настойчиво звучать тезис о неэффективности власти.

Большая часть общества пока вполне лояльна власти, хотя она тоже испытывает определенное недовольство, но в первую очередь ждет от власти справедливости; ее требования носят скорее моральный, нежели политический характер. Эти люди готовы подчиняться, слушаться начальства, выполнять законы, и для них государственность является наивысшей ценностью при условии, что власть справедлива.

Но есть и третий сегмент, который, как вулкан, пока пребывает в латентном состоянии и лишь эпизодически дает о себе знать выступлениями то на Манежной площади, то в Кондопоге и Сагре, то в Бирюлеве. Речь идет о радикальных националистах разного толка. Их протест основан не на интересах, а на эмоциях, причем психологически весьма ярких и привлекательных для массы населения, которая пока сохраняет лояльность власти.

Начало текущего электорального цикла стало поворотным моментом, когда власти удалось, с одной стороны, сохранить политическую систему, а с другой – изменить ее, реформировать под давлением требований общества. Думается, что этот процесс не завершен. Если он опять застопорится и власть не удержит инициативу реформирования политической системы, то эта инициатива может уйти к появляющейся на политической сцене оппозиции. И не исключено, что для власти будут опасны не столько участники протестов на Болотной, сколько радикалы, спровоцировавшие погромы в Бирюлево.

Библиографический список

1. Букреева О.В. 2013. *Сравнительный анализ рациональных и бессознательных компонентов образов власти в современной России*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.
2. *Восприятие и деятельность*. 1976. М.: Изд-во МГУ.
3. Дилигенский Г. 1996. *Российские архетипы и современность* // Вестник Российского общественно-политического центра. № 2.
4. Пищева Т.Н. 2011. *Политические образы: проблемы исследования и интерпретации* // Политические исследования. №2.
5. Преснякова Л.А. 2000. *Структура личностного восприятия политической власти* // Политические исследования. № 4.
6. *Психологический образ: строение, механизмы функционирования и развития*. 1994. М.: Изд-во МГУ. Т.1.
7. *Психология политического восприятия в современной России*. 2012 / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН.
8. Шестопаля Е.Б. 2004. *Образы власти в постсоветской России*. М.: Алетейя.
9. Шестопаля Е.Б. 2008. *Образы российской власти. От Ельцина до Путина*. М.: РОССПЭН.
10. *Candidates and Their Images*. 1976. Pacific Palisades, California: Goodyear Publishing Company.

11. Feldman S., Johnston P., Conover P. 1983. *Candidates, Issues and Voters: The Role of Inference in Political Perception* // The Journal of Politics. Vol.45, is. 4.
12. Granberg D. 1985. *An Anomaly in Political Perception* // Public Opinion Quarterly. Vol. 49, № 4.
13. Granberg D. 1993. *Political Perception* // Explorations in Political Psychology. Chapt. 4.
14. Granberg D., Kasmer J., Nanneman T. 1988. *An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception* // Political Research Quarterly. Vol. 41, № 1.
15. Greenstein F.J. 2004. *Can Personality and Politics Be Studied Systematically* // Political Psychology: Key Readings. New York: Taylor & Francis Books.
16. Lodge M., Taber C., McGraw K. M. 1989. *An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation* // The American Political Science Review. Vol. 83, № 2.
17. Parker-Stephen E. 2004. *Political Perception and the Micro-Macro Paradox. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association*. Chicago, Illinois: Palmer House Hilton. URL: http://www.allacademic.com/meta/p82571_index.html
18. Sjöberg L. 1998. *World Views, Political Attitudes and Risk Perception* // Risk: Health, Safety & Environment. Vol.137.

Статья поступила в редакцию 20.12.2013.

.....

SWINGS IN PERCEPTION OF AUTHORITIES IN THE BEGINNING OF 2010-S

E. B. Shestopal

Prof. Yelena B. Shestopal, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State University. Dept. for Political science, Chair for political sociology and psychology. E-mail: shestop0505@rambler.ru.

The paper discusses the results of the last stage of an empirical study of the swings in authorities' perception that have taken place since electoral campaign of 2011–2012 in Russia. The poll contained a number of open-ended questions that were processed with the help of scaling technique together with SPSS package for the standard questions. These data were compared with the previous results since 1993. Our analysis has shown that public perception divides into three periods. The first stage includes 1990-s when political optics of Russian society was very unfocused: one and the same respondent could trust one politicians, sympathize to others and voted for the third. The second stage is characterized by consolidation of society towards authorities. Images of power in different generational, gender, professional and regional groups were very similar. This stage abruptly finished in 2010. The third stage started in 2010-s. Consolidation of society was damaged in the beginning of this period that resembles the 1990s with their contradictory authorities' images. Though, analogy is not complete.

One of the reasons for such changes in relations between citizens and authorities was arrival of a so called generation of 00-s to politics. Political socialization of this generation whose have taken place in stormy 1990-s. That is why their political picture of the world formed as extremely unstable and chaotic.

We have fixed some positive swings as well. For instance we have found values of activism that rooted in public mind in the third period. Citizens also express their desire to subordinate laws. Tycoons disappeared from the public space. Negative changes include the decline of army's prestige with simultaneous growth of intelligence influence.

Key words: political perception, images of authorities, citizens.

References:

1. Bukreeva O. V. 2013. *Sravnitelnyy analiz ratsionalnykh i bessoznatelnykh komponentov obrazov vlasti v sovremennoy Rossii*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk (*Comparative analysis of rational and irrational components of power images in contemporary Russia*. Cand. dissertation). Moscow.
2. *Vospriyatie i deyatelnost (Perception and activity)*. 1976. Moscow: Moscow State University Publishers.
3. Diligensky G. 1996. *Rossiyskie arkhetyipy i sovremennost' (Russian archetypes and modernity)*, Vestnik Rossiyskogo obshchestvenno-politicheskogo sentra (Bulletin of Russian Social-political Center). № 2.
4. Pishcheva T.N. 2011. *Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii (Political images: problems of researches and interpretation)*, Politicheskie issledovaniya (Political researches). №2.
5. Presnyakova L.A. 2000. *Struktura lichnostnogo vospriyatiya politicheskoy vlasti (Structure of personal perception of political power)*, Politicheskie issledovaniya (Political research). № 4.
6. *Psikhologicheskiy obraz: stroenie, mekhanizmy funktsionirovaniya i razvitiya (Psychological image: construction, mechanisms, of functioning and development)*. 1994. Moscow: Moscow State University Publishers. v.1.
7. *Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoy Rossii (Psychology of political perception in contemporary Russia)*. 2012 Ed Ye.B. Shestopal. Moscow, ROSSPEN.
8. Shestopal Ye.B. 2004. *Obrazyvlasti v postsovetsoy Rossii (Images of power in post-Soviet Russia)*. Moscow, Aletyya.
9. Shestopal Ye.B. 2008. *Obrazy rossiyskoy vlasti. Ot Yeltsina do Putina (Images of Russian Power: From Yeltsin to Putin)*. Moscow: ROSSPEN.
10. *Candidates and Their Images*. 1976. Pacific Palisades, California: Goodyear Publishing Company.
11. Feldman S., Johnston P., Conover P. 1983. *Candidates, Issues and Voters: The Role of Inference in Political Perception* // The Journal of Politics. Vol.45, is. 4.
12. Granberg D.1985. *An Anomaly in Political Perception* // Public Opinion Quarterly. Vol. 49, № 4.
13. Granberg D. 1993. *Political Perception* // Explorations in Political Psychology. Chapt. 4.
14. Granberg D., Kasmer J., Nanneman T.1988. *An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception* // Political Research Quarterly. Vol. 41, № 1.
15. Greenstein F.J. 2004. *Can Personality and Politics Be Studied Systematically* // Political Psychology: Key Readings. New York: Taylor & Francis Books.
16. Lodge M., Taber C., McGraw K. M.1989. *An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation* // The American Political Science Review. Vol. 83, № 2.
17. Parker-Stephen E. 2004. *Political Perception and the Micro-Macro Paradox. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association*. Chicago, Illinois: Palmer House Hilton. URL: http://www.allacademic.com/meta/p82571_index.html
18. Sjöberg L. 1998. *World Views, Political Attitudes and Risk Perception* // Risk: Health, Safety & Environment. Vol.137.